

ГЛАГОЛЕВ Владимир Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий*

ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье исследована специфика современных идентификационных процессов в молодежной среде ФРГ. Акцент сделан на политических, социокультурных, этико-религиозных и гендерных аспектах идентичности, рассмотренных во взаимосвязи и взаимозависимости. Идентичность представлена в качестве функции ценностных предпочтений индивидов и групп. Предпринят философско-культурологический анализ доминирующих тенденций «переоценки ценностей» на современном этапе. Прослеживаются основные пути перехода от установки на «жесткую» мультикультурную идентичность к новому пониманию разнообразия и сложности как системы личных приоритетов. Поскольку с 1990-х годов до середины 2010-х Германия играла роль пионера мультикультурализма в Западной Европе, а ее политические лидеры считали свою страну примером для других членов Европейского союза, обращение к теме пересмотра отношения к данной идеологии в молодежной среде представляется важным для понимания общеевропейских тенденций, а также перспектив взаимодействия России с Германией на международной арене. Описание ключевых направлений трансформации идентификационных программ позволяет проследить контуры возможного «культурного разлома» в отношениях «отцов» и «детей» на немецкой почве, а также выявить типичные черты, которые разделяют представителей различных толкований этических, профессиональных и социальных норм внутри немецкого общества. Отмечено, что универсализация европейской системы образования создает дополнительный импульс поддержанию ценностей социальной мобильности, толерантности и мультикультурализма. Вместе с тем немецкая молодежь сохраняет привязанность к консервативным ценностям семьи и карьеры. Новейшее возрождение национализма под влиянием межкультурной напряженности поликультурного немецкого общества, особенно в связи с последним миграционным кризисом, заставляет более внимательно отнестись к теме культурной идентификации немецкой молодежи.

Ключевые слова: *идентичность молодежи, мультикультурализм, немецкая молодежь, гендерная идентичность.*

*Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-mail: kfmgimo@gmail.com

Для цитирования: Глаголев В.С. Идентичность молодежи в пространстве современной немецкой культуры // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 5. С. 114–124. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.114

Актуальность вопроса об истоках кризиса идеологии мультикультурализма в Германии связана с интенсификацией осмысления дилеммы «свой – чужой» в современной немецкой культуре. Здесь, как и на всем европейском континенте, наплыв мигрантов провоцирует серьезные сдвиги национального самосознания, что влечет повышенную конфликтогенность и ставит перед обществом ряд вызовов, которые, очевидно, будут определять его социокультурное развитие на несколько десятков лет вперед.

Специфика дилеммы «свой – чужой» рассмотрена в работах отечественных авторов [1; 2, с. 253–254; 3, с. 176–182; 4, с. 310–314; 5, с. 429–431] сквозь призму многоуровневых общественных взаимосвязей. Изучение проблемы идентификации в контексте социальных процессов опирается на подходы психологии, где признана ключевая роль становления самосознания в юношеском возрасте [6, 7]. Дальнейшее развитие тема получила в трудах философов и социологов, раскрывших многоаспектный характер социальных отношений в современной культуре. В их числе – П. Бурдьё [8], Н. Луман [9], Э. Гидденс [10], А. Янг [11], Дж. Батлер [12] и другие теоретики.

Вопросы национальной культуры во всей неоднозначности данного понятия требуют внимания к выводам Б. Андерсона [13] и идеям конструирования социальной реальности [14–16], в т. ч. в национальном измерении [17], включая исторический аспект работы с концептом «нация» [18]. Особое внимание привлекают статьи, посвященные идентичности молодежи [19], в частности отмечающие ее отношение к влиянию религии [20–24] и полиэтничности [25, с. 22–28], а также социолектам немецкой молодежи¹ [26, с. 215–219].

Методологическое своеобразие философии культуры позволяет подойти к изучению сложных и неоднозначных процессов в указанной области комплексно и вместе с тем с учетом специфики собственно философского ракурса

межкультурной коммуникации [27, с. 204–211; 28, с. 14–17], а именно: изучение ценностных ориентаций представляется уместным связать как с рефлексией культуры над происходящими в ней изменениями, так и с теми реалиями, которые определили и определяют направление преобразований сознания и поведения.

Поиск ответа на вопрос об основных векторах развития ценностных установок, обуславливающих дрейф групповой идентификации современной немецкой молодежи, имеет смысл начать с анализа, предпринятого сотрудниками русской редакции «Deutsche Welle» по результатам социологического опроса «Generation What», запущенного в Европе с 2013 года и к 2016 году охватившего 13 стран. В 2016 году в проекте приняли участие более 183 тыс. молодых немцев в возрасте от 18 до 25 лет. Они ответили на 140 вопросов «о семье, карьере, сексе и деньгах» [29].

Опрос показал, что более половины молодых немцев «не могут представить себе жизнь без интернета». Как и в других уголках Европы и мира, «музыка – вот что делает счастливыми абсолютное большинство. Любит немецкая молодежь и книги. <...> Не нужны молодым немцам для счастья алкоголь, наркотики и фастфуд». Более 25 % считают отношения с родителями «идеальными», половина говорит, «что родители их “не грузят”»; порядка 50 % получают от родителей финансовую помощь и более четверти рассчитывают на такую помощь в процессе получения образования. Лишь 6 % готовы взять образовательный кредит; более 80 % выступают за то, чтобы обучение в вузах оставалось бесплатным. При этом «только 2 % опрошенных уверены в том, что вузы готовят студентов к реальным проблемам на рынке труда».

Большинство респондентов считает, что возрастает социальное неравенство. 20 % молодежи готовы уехать в другую страну немедленно, а более половины – в долгосрочной перспективе. 7 % не уедут ни при каких обстоятельствах.

¹Отметим, что к данной «размытой» (по некоторым показателям) социальной группе в европейской социологической литературе принято относить людей в возрасте от 18 до 25 лет.

Треть полагает, что их судьба сложится лучше, чем у старшего поколения; четверть – что хуже.

Семья продолжает входить в число базовых ценностей немецкой молодежи. Они ценят в партнере верность, две трети «не одобряют “флирт на стороне”» [29]. Семейное счастье также оказывается предпочтительнее карьеры в опросе 2018 года: 70 % видят его в семье и только 41 % – в карьере [30]. Возвращаясь к опросу 2016 года, стоит отметить, что «за» и «против» детей в семье высказалось примерно равное количество респондентов. «Треть опрошенных считает развод болезнью нашего времени, но большая часть считает, что в этом нет никакой трагедии». Многие молодые немцы «испытывают страх перед будущим, войной и одиночеством»; 43 % думают, что следующему поколению жить будет сложнее [29].

Как известно, *политизация молодежи* представляла собой устойчивую общественную тенденцию в Германии как минимум со второй половины XIX века. Однако именно Германия (задолго до современных открытий в области генетики и биологии человека) дала миру наглядный пример не только военного краха нацистского мифа о «чистоте нации», но и пересмотра отношения к самому понятию «нация» (в форме раскаяния в фашистском прошлом).

Политика денацификации и последующие усилия политических элит страны по выработке компромиссных форм партийно-правительственных коалиций и конституционной смены союзов партий, входящих в правительство, также способствовали известной политической толерантности. Тем не менее в наши дни в Германии имеют место резкие формы политического протеста: бескомпромиссные «зеленые», антиглобалисты как правого, так и левого толка, неонацистские группы и их объединения. В связи с наплывом нелегальной иммиграции в Европу возникло движение «Альтернатива для Германии», включившее в свою мотивацию неорасистские мотивы и активно эксплуатирующее настроения ксенофобии. Эти настроения питаются, с одной стороны, реальными культурными различиями в образе жизни и системах

ценностей мигрантов (как недавно прибывших, так и достаточно давно проживающих на территории Германии, равно как и ставших ее гражданами) и «коренных» жителей, с другой стороны – подогреваются криминальными составляющими поведения отдельных индивидов и групп, демонстрирующих свое неприятие «западного образа жизни» при откровенной готовности воспользоваться его экономическими и социальными преимуществами.

Стоит подчеркнуть, что на протяжении второй половины XX века сотрудничество Германии с другими странами в рамках ЕЭС, а затем и Европейского союза, потребовало развития *усиленной* толерантности отношения населения страны к другим языковым культурам и религиям. Особенно это касалось молодых людей, выросших в атмосфере осуждения нацизма и национализма. В послевоенный период идеи «чистоты расы и нации», сформулированные в публичной сфере, воспринимались как перепевы нацистской идеологии и подпадали в Германии под уголовное разбирательство. Развитие отношений ФРГ с западными странами, ставшими гарантами экономического возрождения страны, потребовало отказаться и от антисемитской мифологии. Оформилась отчетливая необходимость дистанцироваться от преступлений Холокоста: лишь такое условие могло помочь установлению нормальных отношений с государством Израиль. Последний, как и следовало ожидать, потребовал от политиков ФРГ определенных сигналов: осуждения идеологии антисемитизма, публичного покаяния за преступления против евреев, восстановления синагог, выплат компенсаций уцелевшим пострадавшим и оставшимся в живых их родственникам и наследникам и т. д. В совокупности это было приглашением выходцев из еврейских общин «заново» поселиться в Германии, соблазнившись предоставляемыми ею возможностями свободного исповедания иудаизма и полноценного немецкого гражданства.

Особый виток специфической политизации сознания немецкой молодежи пришелся на период объединения двух германских государств

в 1990 году. Идея социального государства как системы конституционно оформленных гарантий и прав граждан предполагала сохранение заботы о нуждах людей, подпадавших под параметры нуждающихся, например в социальном жилье. Однако в настоящее время наблюдается заметное разочарование в результатах объединительной политики, которая еще долго не сможет сгладить различия между востоком и западом страны. Для молодых людей «с востока» сегодня характерно ощущение своей второсортности, что находит выражение в различных формах протеста. В течение почти трех десятилетий идет процесс нивелирования установок, определивших социокультурные различия восточных и западных немцев, которые сложились за 40 лет существования двух германских государств. Восточные немцы требуют гарантий социальной справедливости, функционирования социальных лифтов, сохранения (хотя бы в редуцированной форме) льгот на медицинское обслуживание, образование, пенсионное обеспечение и т. д.

В то же время в обеих частях страны *социальные идентификационные установки* молодежи ориентируют ее на высокую степень законопослушности. Русская поговорка «от сумы и от тюрьмы не зарекайся» для немца непонятна и парадоксальна. Даже чудовищные преступления Третьего рейха совершались на основе конституционных процедур, приведших к власти нацистскую партию и ее вождей. Истребление евреев, цыган, иеговистов, славян и немцев, а также участников Сопротивления происходило на основе детально прописанных юридических процедур. Шок разоблачений гитлеровских преступлений не подорвал законопослушность, но резко снизил авторитетность старших поколений по отношению к младшим. Между тем законопослушность – неперемное условие полноценной жизни немецкого гражданина, а также предоставления ему пакета социальных льгот и услуг. Каждое совершенное правонарушение при его выявлении органами правоохранительного аппарата регистрируется в полицейском досье

и может стать основанием отказа – в случае повторения – в предоставлении целого ряда социальных льгот и пользовании социальными лифтами. Уплата налогов – священная обязанность немецкого гражданина.

В процессе социализации при определенных обстоятельствах молодежь склонна испытывать на прочность существующую систему правопорядка. Однако подобные эксперименты быстро выдавливают «экспериментаторов» в маргинальное сообщество. Вместе с тем существует ряд сфер, где государство либерализирует законодательство и практику его применения. Это касается в первую очередь приема беженцев, часть из которых – искатели лучшей жизни и минимальных социальных льгот (как известно, Германия настаивает на безусловном приеме и устройстве беженцев на пространстве ЕС).

Таким образом, политические предпочтения немецкой молодежи, сформировавшиеся к настоящему времени, тесно связаны с отражением в общественном сознании социально-экономических процессов. Здесь идеи толерантности и мультикультурализма связаны с политикой социального государства, основанной на высоком уровне развития производства. Активность молодежи в проведении тех или иных политических решений не выражена, она скорее тяготеет к ценностям консервативного типа – ценностям семьи и карьеры, и лишь со стороны небольших групп наблюдается повышенная степень протестной активности. Высокую ценность имеет **социальная солидарность** при непреложном уважении **личных прав и свобод**.

Моральные ценности современной немецкой молодежи демонстрируют тенденцию к определенной универсализации, и прежде всего вследствие *глобализации системы высшего образования*, создающей у молодых людей стойкие *предпочтения социальной мобильности* (а значит, повышающие нравственное значение **толерантности и мультикультурализма** [31, с. 113–131; 32, с. 137–149]) по сравнению с более старшими поколениями. Обучение в Германии на сегодняшний день осуществляется бесплатно, хотя время от времени в обществе разгорается дискуссия

о перспективах его коммерциализации. Для поступления в немецкие университеты необходим документ об успешном окончании «матуры» – полного курса немецкой гимназии. Получить его могут лишь те молодые люди, которые полностью завершили курс гимназического обучения и сдали соответствующие экзамены. В случае неудачи допускается пересдача (после прохождения курсов подготовки); требования к сдающим повторно никоим образом не снижаются. Далекое не всем молодым гражданам удается справиться с задачей окончания старших классов школы, открывающих дорогу к поступлению в вуз. Конфликты в семье и детская запущенность, завышенная ценность группового времяпровождения в подростковом возрасте, различные виды зависимостей (включая компьютерную); также рост заработной платы в кластере так называемого малоквалифицированного труда (маляры, слесари, автомеханики и т. д.) на фоне постепенного падения престижа высшего образования (подогревающего стремление получить достойную работу, не прилагая особых усилий к «протиранию штанов» в аудитории) – эти и другие факторы «отрезают» от высшего образования (при кажущейся его доступности) значительное число молодых людей.

Принятых в университеты ждут обязательные письменные экзамены, сдача которых строго контролируется преподавательским корпусом. Не сдавшие экзамены имеют шанс пересдачи, но, понятно, внимание к таким студентам у преподавателей повышается. Только выполнивший обязательную программу переводится на следующий курс обучения. Остальным бедолагам приходится либо оставлять университет, либо предъявлять всевозможные документы, свидетельствующие о наличии у них чрезвычайных обстоятельств, воспрепятствовавших их учебе. Предоставленные документы тщательно проверяются контрольной службой университета. Таким образом, не слишком добросовестные, а также «ищущие себя» могут учиться бесплатно до 29 лет. Если у них нет документально подтверждаемых источников собственных доходов, они могут

при этом получать социальные пособия и стипендии. Вместе с тем большинство студентов имеет подработку. Руководство страны учитывает опыт соседней Франции, где студенчество, не имеющее твердой перспективы на высококвалифицированную работу, подпитывает со времен 1968 года склонную к экстремизму часть протестного движения. Либерализм властей Германии в данном случае – обдуманная позиция.

Тем не менее, анализируя процессы в области образования, мы можем уверенно выделить такие моральные ценности, как **ответственность, добросовестность, точность и скрупулезность**, сохраняющие свое значение для молодого поколения, а также рассмотрение труда как самостоятельной ценности. Притом в Германии сегодня растет второе поколение, для которого работа никогда не была доступным благом. Настроения социального иждивенчества, свойственные этой категории граждан, блокируются государством при помощи соответствующего законодательства, обязывающего регулярно предоставлять данные о поиске работы. Часть живущих на пособие научилась обходить эти препоны за счет получения от работодателей формальных справок-отписок, другая часть предпочитает жить на пособия, например по многодетности и т. д. Перверсивная ценность «социальной непригодности» к включению в общественное производство – сравнительно новая и пока маргинальная тенденция, над преодолением которой власти Германии задумываются не первый год.

Если говорить о **религиозном пространстве** современной Германии, необходимо иметь в виду его пестрый состав и наличие значительного числа свободомыслящих (по различным данным, к атеистам относят себя от 30 до 45 % населения Германии; более 50 % утверждают, что религия не играет в их жизни значительной роли). Традиционно население страны исповедовало католицизм, протестантизм, иудаизм различных течений и деноминаций. Православие было представлено в среде русской эмиграции, значительно пополнившейся после русской революции 1917 года,

его приняло некоторое число представителей «коренного» немецкого населения. По мере роста иммиграции религиозная картина в стране становилась все более разнообразной. Мусульмане, буддисты, представители ряда течений индуизма и новых религиозных движений вели и ведут активную проповедь своих верований и ритуалов, расширяют круг последователей [33].

Для гастарбайтеров и других категорий мусульманского населения Германии контроль этнорелигиозных общин первоначально носит почти всеобъемлющий характер. Так, молодому человеку, имеющему устойчивый заработок, позволяющий содержать жену и будущую семью, родители подбирают невесту из числа мусульманок, проживающих в Германии или на исторической родине. Здесь играют роль землячество, клановые связи, разного рода внутрисемейные расчеты и обязательства. Отказ от этой практики способствует конфликтам с этнорелигиозной средой и ее всестороннему давлению.

В целом *гендерные установки* современной немецкой молодежи включают в себя несколько противоречивых тенденций. Не такой большой редкостью являются сегодня браки между представителями разных конфессий, когда один из супругов принимает веру, значимую для другого (религиозная конверсия² на основании брака). При этом девушки-мусульманки, сочетаясь браком с иноверцем из христианской и иной религиозной среды, нередко

встречают как минимум нравственное осуждение со стороны общины³ [34, с. 32–37; 35, с. 68–73].

Для той части современной немецкой молодежи, которая восприимчива к этико-религиозным запретам, антиценностью религиозного порядка иногда выступает мораль ЛГБТ-общества. Вместе с тем на уровне общественного мнения и законодательства традиционное прочтение священных книг (например, Библии), осуждающих «грех содомии», подвергнуто серьезному пересмотру: новые переводы обычно исключают мотивы осуждения по отношению к сексуальным меньшинствам «нетрадиционной ориентации». Напомним: в нацистской Германии гомосексуализм являлся уголовным преступлением; современная теория и практика ЛГБТ-движения рассматривает его в политическом аспекте как эффективный рычаг противодействия тоталитарному контролю государства над своими гражданами. Данная идея имеет достаточно высокую привлекательность для молодежи. Поэтому «радужное движение» находит широкую поддержку в среде, далекой от непосредственного участия в нем, как символ поддержки свободы самовыражения.

Особое внимание традиционалистов привлекает к себе практика сексуального просвещения, проводимая в школах: некоторые родители считают ее насильственным разрушением

²Кстати, конверсии происходят не только в связи с переходом в общину другой религии одного из супругов, но и в результате своеобразных духовных экспериментов, особенно типичных для молодежи, падкой на разную экзотику, в т. ч. и религиозную. Имеют место компаративистские устремления «религиозных туристов», подбирающих из разных религий элементы философии, психологических практик и ритуалов для достижения внутреннего единства духа.

³Так, несколько лет назад немецкую печать облетело сообщение о том, что в полицию крупного немецкого города явился рыдающий молодой человек и предъявил чемодан, в котором находилась отрезанная голова его сестры. Брат имел высшее образование, полученное в престижном западном университете, некоторое время работал программистом в США. Однако его связи с религиозным укладом общины и его представления о семейной чести оказались сильнее, чем принцип права на жизнь – приоритетного права в современном обществе. Действительно, молодые люди, исповедующие ислам, могут позволить себе отступить от жестких норм шариата в условиях жизни в Германии, если их связи с традиционным укладом жизни семьи и религиозной общины достаточно ослаблены. Это обычно происходит в среде университетского студенчества при успешной интеграции в продвинутую культурную и статусную структуру общества (научная и художественная среда, управленцы, политические деятели, высокооплачиваемые специалисты, принятые в немецких элитарных кругах, и т. п.).

целомудрия в неокрепшей детской психике, способной отразиться на будущем характере молодого человека, сделать его или ее циником.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что идентичность современной немецкой молодежи имеет устойчивую динамику к увеличению удельного веса индивидуального выбора на фоне противоречивых тенденций, характеризующихся встречными неоконсервативным и неолиберальным векторами. Универсализация общеевропейской системы образования поддерживает установку на мультикультурность не только самой образовательной среды, но и того социокультурного пространства, которое создается вокруг ее выпускников. Новейший миграционный кризис обнажил проблемы, связанные с неоднозначным отношением к мультикультурности внутри немецкого общества. Несмотря на некоторую дистанцированность от включенности в активное политическое действие большинства немецкой

молодежи (за исключением молодежных «крыльев» традиционных партий, маргинальных групп неонацистского толка и «Новой Альтернативы»), идеология мультикультуризма не находит здесь широкой поддержки, хотя де-факто мультикультурализм занимает довольно прочное положение. В политическом дискурсе речь, как правило, идет об интеграции; на уровне персональной идентификации – о тотальной свободе самовыражения, вплоть до права конструирования гендерной идентичности. Молодежь, как и повсюду в мире, вносит в жизнь Германии акценты, связанные со стремлением обеспечить право на самовыражение и занятие прочного места в жизни немецкого социума. Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что поиски идентичности современной немецкой молодежи отвечают тенденциям общеевропейского масштаба, отражающим основные противоречия современного периода процесса глобализации.

Список литературы

1. Шитлов А.В. «Свой», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.
2. Шунейко А.А., Чибисова О.В. Акцентирование и нивелирование оппозиции «свой-чужой» на уровне анекдотов // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 254–263. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20
3. Соломина В.В. Особенности реализации оппозиции «свой – чужой» в различных видах дискурсов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 3. С. 176–182.
4. Сейранян М.Ю. Оппозиция «свой-чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 2, № 2. С. 306–310.
5. Силантьева М.В. Ментально-символическое преодоление барьера «свой – чужой» как основа стратегий освоения инокультурного пространства // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачев. науч. чтения, Санкт-Петербург, 15–20 мая 2014 года. СПб.: С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2014. С. 429–431.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с.
7. Лэнг Р.Д. Расколотое «Я»: пер. с англ. СПб.: Белый Кролик; М.: Академия, 1995. 352 с.
8. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории: пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. 643 с.
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
11. Young I.M. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.
12. Butler J. *Undoing Gender*. N. Y.: Routledge, 2004. 284 p.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: пер. с англ. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

15. *Серл Дж. Р.* Конструирование социальной реальности / рефератив. пер. с англ. А. Романовой. 1999. URL: <https://mydocs.ru/6-13915.html> (дата обращения: 30.08.2018).
16. *Фомин И.В.* Категория социальной воображаемости // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. Вып. 3. Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях. М.: ИНИОН, 2012. С. 115–130.
17. *Черныш М.Ф.* Национальная идентичность: особенности эволюции // Социол. журн. 1995. № 2. С. 110–113.
18. *Муравьев А.Н.* Понятие нации и проблема национального самоопределения народа в «Речах к немецкой нации» Й.Г. Фихте // Вестн. СПбГУ. Сер.: 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 1. С. 43–51.
19. *Вялова Е.Г.* Идентичность молодежи в контексте современных философских исследований // Вестн. Калмыц. ун-та. 2016. № 2(30). С. 126–132.
20. *Солеймани С.* Концепция религиозной идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 4. С. 30–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontseptsiya-religioznoy-identichnosti> (дата обращения: 29.08.2018). DOI: 10.24158/spp.2017.4.6
21. *Oppong S.H.* Religion and Identity // American International Journal of Contemporary Research. 2013. Vol. 3, № 6. P. 10–16.
22. *Аринин Е.И., Чудаева Е.А.* Проблема «духовной безопасности» в контексте понимания религиозности в религиоведении // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2013. № 1. С. 50–54.
23. *Аринин Е.И.* Религиоведение: акад. курс лекций: в 2 ч. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2005. Ч. 1. 115 с.
24. 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: моногр. / под ред. Е.И. Аринина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 460 с.
25. *Чеботарева Е.Ю.* Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестн. РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22–28.
26. *Быков А.А.* К вопросу об изучении немецкого молодежного социолекта // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2015. № 3. С. 215–219.
27. *Шестопал А.В., Силантьева М.В.* Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов // Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста: материалы VII Конвента РАМИ, МГИМО-Ун-т, 28–29 сентября 2012 года. М.: Аспект-Пресс, 2012. С. 204–211.
28. *Силантьева М.В.* Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнерства // Науч. исслед. и разработки. Современ. коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 5(6). С. 14–17. DOI: 10.12737/1246.
29. *Прохорова В.* Чем живет молодое поколение в Германии? // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/чем-живут-молодые-немцы/a-39068472> (дата обращения: 01.09.2018).
30. *Сафронова К.* Немецкие студенты выбирают семью вместо карьеры // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/немецкие-студенты-выбирают-семью-вместо-карьеры/a-45097515> (дата обращения: 01.09.2018).
31. *Шестопал А.В., Силантьева М.В.* Культурные границы в пространстве современного университета // Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления: материалы VIII Конвента РАМИ, МГИМО-Ун-т, 25–26 апреля 2014 года. М.: МГИМО-Ун-т, 2015. С. 113–131.
32. *Касаткин П.И., Силантьева М.В.* Антропологический аспект глобальных моделей образования: поиски и решения // Полис. Полит. исслед. 2017. № 6. С. 137–149. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.10
33. Religionen & Weltanschauungsgemeinschaften in Deutschland: Mitgliederzahlen // REMID. URL: https://www.remid.de/info_zahlen/ (дата обращения: 30.07.2018).
34. *Дианина С.Ю.* Философско-культурологические проблемы взаимодействия коренных обществ стран Северной Европы с иммигрантами в контексте процесса исламизации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 32–37.
35. *Дианина С.Ю.* Убийства чести в контексте мультикультурализма: культура может убивать? // Вопр. культурологии. 2015. № 1. С. 68–73.

Reference

1. Shipilov A.V. “Svoi”, “chuzhie” i drugie [Us, Them, and the Others]. Moscow, 2008. 568 p.
2. Shuneyko A.A., Chibisova O.V. Aktsentirovanie i nivelirovanie oppozitsii “svoy-chuzhoy” na urovne anekdotov [Emphasizing and Neutralizing the Opposition “Friend or Foe” at the Level of Jokes]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2017, no. 3, pp. 254–263. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20

3. Solomina V.V. Osobennosti realizatsii oppozitsii “svoe – chuzhoy” v razlichnykh vidakh diskursov [The Specificity of the Opposition “Own – Alien” Within Various Discourses]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 1, no. 3, pp. 176–182.
4. Seyranyan M.Yu. Oppozitsiya “svoe-chuzhoy” kak konfliktogen v politicheskom diskurse [The Us vs. Them Opposition as a Conflict-Generating Factor in Political Discourse]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 306–310.
5. Silant'eva M.V. Mental'no-simvolicheskoe preodolenie bar'era “svoe – chuzhoy” kak osnova strategiy osvoeniya inokul'turnogo prostranstva [Mental-Symbolic Overcoming of the Us vs. Them Barrier as the Basis of Strategies for Exploring a Foreign Cultural Space]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy* [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations]. St. Petersburg, 2014, pp. 429–431.
6. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, 2006. 352 p.
7. Laing R.D. *Raskolotoe “Ya”* [The Divided Self]. St. Petersburg, 1995. 352 p.
8. Bourdieu P. O simvolicheskoy vlasti [On the Symbolic Power]. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of Social Space]. Moscow, 2007, pp. 87–96.
9. Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main, 1984 (Russ. ed.: Luman N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchey teorii*. St. Petersburg, 2007. 643 p.).
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991. 256 p.
11. Young I.M. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton, 1990. 286 p.
12. Butler J. *Undoing Gender*. New York, 2004. 284 p.
13. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1991. 224 p. (Russ. ed.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow, 2016. 416 p.).
14. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, 1966 (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, 1995. 323 p.).
15. Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York, 1995 (Russ. ed.: Serl Dzh. R. *Konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti*. 1999. Available at: <https://mydocx.ru/6-13915.html> (accessed: 30 August 2018)).
16. Fomin I.V. Kategoriya sotsial'noy voobrazhaemosti [The Category of Social Imaginability]. *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vyp. 3. Vozmozhnoe i deystvitel'noe v sotsial'noy praktike i nauchnykh issledovaniyakh* [METHOD: Moscow Yearbook of Works Within Social Sciences. Vol. 3. The Possible and the Real in Social Practice and Scientific Research]. Moscow, 2012, pp. 115–130.
17. Chernysh M.F. Natsional'naya identichnost': osobennosti evolyutsii [National Identity: Features of Evolution]. *Sotsiologicheskyy zhurnal*, 1995, no. 2, pp. 110–113.
18. Murav'ev A.N. Ponyatie natsii i problema natsional'nogo samoopredeleniya naroda v “Rechakh k nemetskoj natsii” I.G. Fikhte [The Concept of the Nation and the Problem of National Self-Determination in Fichte's *Speeches to the German Nation*]. *Vestnik SPbGU. Ser.: 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*, 2013. Iss. 1, pp. 43–51.
19. Vyalova E.G. Identichnost' molodezhi v kontekste sovremennykh filosofskikh issledovaniy [The Identity of the Youth in the Context of Modern Philosophical Studies]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 126–132.
20. Soleimani S. Kontseptsiya religioznoy identichnosti [The Concept of Religious Identity]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2017, no. 4, pp. 30–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontseptsiya-religioznoy-identichnosti> (accessed: 29 August 2018). DOI: 10.24158/spp.2017.4.6
21. Oppong S.H. Religion and Identity. *Am. Int. J. Contemp. Res.*, 2013, vol. 3, no. 6, pp. 10–16.
22. Arinin E.I., Chudaeva E.A. Problema “dukhovnoy bezopasnosti” v kontekste ponimaniya religioznosti v religiovedenii [“Spiritual Security” in the Context of Understanding Religiosity Within Religious Studies]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2013, no. 1, pp. 50–54.
23. Arinin E.I. *Religiovedenie* [Religious Studies]. Vladimir, 2005. Pt. 1. 115 p.
24. Arinin E.I. (ed.). *750 opredeleniy religii: istoriya simvolizatsiy i interpretatsiy* [750 Definitions of Religion: The History of Symbolization and Interpretation]. Vladimir, 2014. 460 p.
25. Chebotareva E.Yu. Etnicheskaya identichnost' molodezhi v polietnicheskoy srede [Ethnic Identity of Young People in a Multi-Ethnic Environment]. *Vestnik RUDN. Ser.: Psikhologiya i pedagogika*, 2012, no. 1, pp. 22–28.

26. Bykov A.A. K voprosu ob izuchenii nemetskogo molodezhnogo sotsiolekta [To the Issue of Studying German Youth Sociolect]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 215–219.
27. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. "Myagkaya sila" kul'turnykh modulyatorov [Intercultural Communication. The "Soft Power" of Cultural Modulators]. *Resursy modernizatsii: vozmozhnosti i predely mezhdunarodnogo konteksta* [Resources of Modernization: Possibilities and Limits of the International Context]. Moscow, 2012, pp. 204–211.
28. Silanteva M.V. Intercultural Dialogue as Basis of Fruitful Co-Operation in the System of International Partnership. *Sci. Res. Dev. Mod. Commun. Stud.*, 2013, vol. 2, no. 5, pp. 14–17. Available at: <https://doi.org/10.12737/1246> (accessed: 30 July 2018).
29. Prokhorova V. Chem zhivet molodoe pokolenie v Germanii? [What's Important for the Younger Generation of Germans?]. *Deutsche Welle*. Available at: <https://www.dw.com/ru/chem-zhivut-molodye-nemtsy/a-39068472> (accessed: 1 September 2018).
30. Safronova K. Nemetskie studenty vybirayut sem'yu vmesto kar'ery [German Students Choose Family over Career]. *Deutsche Welle*. Available at: <https://www.dw.com/ru/nemetskie-studenty-vybirayut-sem'yu-vmesto-kar'ery/a-45097515> (accessed: 1 September 2018).
31. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. Kul'turnye granitsy v prostranstve sovremennogo universiteta [Cultural Borders in the Space of a Modern University]. *Metamorfozy postkrisisnogo mira: novyy regionalizm i stsenarii global'nogo upravleniya* [Metamorphoses of the Post-Crisis World: New Regionalism and Global Management Scenarios]. Moscow, 2015, pp. 113–131.
32. Kasatkin P.I., Silant'eva M.V. Antropologicheskii aspekt global'nykh modeley obrazovaniya: poiski i resheniya [The Anthropological Aspect of Global Education Models: Problems and Solutions]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 6, pp. 137–149. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.10
33. Religionen & Weltanschauungsgemeinschaften in Deutschland: Mitgliederzahlen. *REMID*. Available at: https://www.remid.de/info_zahlen/ (accessed: 30 July 2018).
34. Dianina S.Yu. Filosofsko-kul'turologicheskie problemy vzaimodeystviya korennykh obshchestv stran Severnoy Evropy s immigrantami v kontekste protsessa islamizatsii [Philosophical and Cultural Issues of Interaction Between Native Societies of Northern European Countries and Immigrants in the Context of Islamisation Process]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2016, no. 5, pp. 32–37.
35. Dianina S.Yu. Ubiystva chesti v kontekste mul'tikul'turalizma: kul'tura mozhet ubivat'? [Honor Killings in the Context of Multiculturalism: Can Culture Kill?]. *Voprosy kul'turologii*, 2015, no. 1, pp. 68–73.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.114

Vladimir S. Glagolev

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation;
e-mail: kfmgimo@gmail.com

YOUTH IDENTITY WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN GERMAN CULTURE

This article investigates the specific nature of modern identification processes among young people in Germany. A special emphasis is placed on political, sociocultural, ethical and religious as well as gender-related aspects of identity, examined here in their interrelationship and interdependence. Identity is presented here as a function of value preferences of individuals and groups. Further,

For citation: Glagolev V.S. Youth Identity Within the Framework of Modern German Culture. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 5, pp. 114–124. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.114

a philosophical and cultural analysis of dominant trends of the current reappraisal of values is undertaken. Key transition pathways from the idea of “rigid” multicultural identity to the new understanding of variety and complexity as a system of individual priorities are discussed. Since the 1990s up to the mid-2010s, Germany had been a multiculturalism pioneer in Western Europe, while German leaders considered their country a good example for other EU members. In view of this, addressing the revision of the attitude toward this ideology among young people seems to be important for understanding common European trends as well as for the Russian-German cooperation. By describing key trends in identity transformation programmes, we can trace the outlines of a possible cultural gap in the father–son relationships in Germany and reveal the typical features dividing representatives of different interpretations of ethical, denominational and social standards within the German society. Moreover, it is pointed out that universalization of the European education system gives an additional impulse for maintaining the values of social mobility, tolerance and multiculturalism. At the same time, German youth is still holding onto conservative family and career values. The recent revival of nationalism under the influence of intercultural tension within the multicultural German society, especially due to the latest migrant crisis, requires our close attention to the cultural identification of German youth.

Keywords: *youth identity, multiculturalism, German youth, gender identity.*

Поступила: 24.12.2018

Принята: 13.06. 2019

Received: 24 December 2018

Accepted: 13 June 2018